
В
ту
ночь
нас
было
пятеро
Станислав Оушен

Станислав Оушен

В ту ночь нас было пятеро

«Автор»
2026

Оушен С.

В ту ночь нас было пятеро / С. Оушен — «Автор», 2026

Шесть лет назад одна ночь разрушила любовь, дружбу и доверие между близкими людьми. Теперь Лада получает старую фотографию, на которой их пятеро. Но каждый из друзей помнит события той ночи по-своему. Даже имя пятой девушки вызывает споры.В поисках правды Лада вновь встречается с Денисом — человеком, которого когда-то любила и до сих пор не смогла забыть. Чем больше она узнаёт, тем труднее понять, кто лжёт, кто пытается защитить близких, а кто скрывает собственную вину.Старые фотографии, противоречивые воспоминания и неожиданные признания постепенно складываются в одну историю. Но последняя правда окажется болезненнее любой лжи.Что, если человек, которому ты верила меньше всего, единственный не пытался тебя обмануть?

© Оушен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пятый человек 5
Глава 2. Мы не называли её одинаково 7
Глава 3. То, что осталось у меня 10
Глава 4. Утро, в которое он пришёл 12
Глава 5. Дом за голыми деревьями 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Станислав Оушен
В ту ночь нас было пятеро

Глава 1. Пятый человек

На фотографии нас было пятеро. А утром после той ночи я сказала матери, что на даче были только мы четверо: Варя, Кирилл, Денис и я. Она не стала уточнять. Я тоже.

Я вспомнила тот разговор, пока вскрывала конверт. Сказать про чужую женщину означало бы вслух признать, как я ревновала. Проще оказалось вычеркнуть её из компании. В этом мы с остальными странным образом сошлись — хотя каждый молчал о своём.

Конверт лежал под дверью мастерской, мокрый по одному краю. Я пришла раньше Кости, поставила у стены пакет с булочкой и кофе и наклонилась за ним. На лицевой стороне было написано только моё имя: «Лада». Без фамилии, без адреса, без попытки подделать почтовое отправление.

Внутри лежала одна фотография.

Варя сидела на перилах веранды и смеялась, отвернувшись от камеры. Кирилл держал в руке тарелку с арбузом. Я щурилась от вспышки, хотя снимали поздним вечером. Денис стоял рядом, чуть согнувшись, чтобы поместиться в кадре. Он положил ладонь мне на плечо.

А за его спиной была женщина в жёлтом дождевике.

Её лицо закрывала прядь мокрых волос. Одна рука лежала на перилах, другая — на спинке моего стула. Я помнила дождевик. Помнила, как он шуршал, когда женщина проходила по коридору. Но на этом мои воспоминания становились неуверенными, и я злилась всякий раз, когда пыталась ухватить хоть что-то ещё.

Я перевернула снимок.

«Ты всё ещё называешь её Никой?»

Я хотела запереть мастерскую и уйти домой. Но поставила кофе на рабочий стол. Стакан качнулся. Я успела поймать его за крышку, обожгла пальцы и выругалась.

Денис на снимке смеялся. Живой до неприличия для человека, которого я шесть лет старательно вычёркивала из своей жизни. У него была привычка смеяться в неподходящий момент. В ту ночь она меня окончательно взбесила.

Последний раз мы разговаривали на парковке возле его дома. Я спросила, с кем он уехал с дачи. Он ответил, что не может рассказать. Тогда я отдала ему ключ от квартиры. Он поймал связку, сказал моё имя и больше ничего. Наверное, рассчитывал, что я останусь стоять и позволю ему подобрать слова.

Я ушла.

В мастерской щёлкнул замок.

— Опять не включила свет? — спросил Костя. — Я думал, сегодня у нас выходной.

Он вошёл с рулоном пузырчатой плёнки под мышкой и остановился, увидев меня.

— Что?

— Ничего.

— У тебя лицо такое, будто заказчик привёз шкаф, который собирал сам.

Я убрала фотографию под журнал учёта.

— Смешно.

— Я ещё не начал.

Он прошёл к окну, поднял жалюзи. На улице грузовик пытался протиснуться между двумя припаркованными машинами. Водитель вышел, посмотрел на расстояние, сел обратно и снова попробовал. Костя вернулся, а я всё ещё смотрела на грузовик.

— Лад, у нас сегодня стулья к одиннадцати, — напомнил Костя.

— Помню.

— Ты запишешь, что там с ножками? Вчера не успели.

— Запишу.

Костя ушёл в соседнюю комнату. Он видел моё лицо и, в отличие от большинства людей, не требовал немедленной подробной истории.

Я достала телефон. Номер Вари нашёлся сразу. Мы виделись две недели назад, ели лапшу из картонных коробок и спорили, можно ли считать ремонт новой жизнью старого предмета. Она сказала: «Ты даже со шкафами не умеешь расставаться». Я кинула в неё салфеткой. Мы не вспоминали Дениса.

Варя ответила после четвёртого гудка.

— Ты рано.

— Мне принесли фотографию.

На её стороне что-то стукнуло. Потом послышался шорох, будто она убрала телефон от уха.

— Какую?

— С дачи. Где мы все на веранде.

— Лада...

— Ты её печатала?

— Нет.

Я посмотрела на края снимка. Бумага была плотная, матовая. У Вари раньше была маленькая фотолаборатория; она могла напечатать такие снимки хоть ночью.

— Ты даже не спросила, какая именно.

— Я поняла.

— Тогда скажи, кто её прислал.

Варя дышала тихо. Потом сказала:

— Положи её в конверт. И не показывай пока никому.

— Почему?

— Встретимся. Я объясню.

— Ты это говорила шесть лет назад.

Сказала я это резче, чем собиралась. Варя прижала телефон к уху плотнее; я слышала, как трётся ткань о микрофон.

Варя помолчала.

— В шесть в пекарне на Садовой. Сможешь?

— Смогу.

— И, Лад... Денису не звони.

— Я не собиралась.

— Хорошо.

Она отключилась раньше, чем я успела спросить, почему у неё такой голос.

Я снова достала фотографию. На заднем плане виднелась открытая дверь дачи. Над порогом висел фонарь, который Кирилл всё собирался заменить. У крыльца стояли чужие синие сапоги — маленькие, с белой полоской по подошве. Вспомнила, как ночью спотыкалась о них в темноте.

Я провела пальцем по белой полоске на подошве. В августе я наступила на этот сапог и чуть не упала, потому что в прихожей не горел свет.

Один остался стоять ровно, второй завалился набок.

Утром, перед отъездом, они так и лежали возле двери.

Глава 2. Мы не называли её одинаково

К шести вечера я успела испортить одну деталь от старого буфета. Три раза прошлась шкуркой там, где следовало остановиться после первого, и стёрла тонкую кромку. Костя посмотрел на результат, протянул мне другую заготовку и не сказал ни слова.

Варя ждала за столиком у окна. Перед ней стояли две чашки чая и тарелка с коржиком, от которого был отломлен один угол. В пекарне пахло тёплым хлебом. Обычно мне здесь нравилось. Сегодня было слишком много людей и слишком мало воздуха.

— Я заказала тебе без сахара, — сказала она.

— Спасибо.

Я села. Варя сразу посмотрела на сумку.

— Принесла?

— Ты сначала скажи, почему я должна была её прятать.

— Можно не здесь?

— Мы уже здесь.

Она отвернулась к окну. В стекле отражались наши лица: моё сердитое и её уставшее. Я прикусила язык и достала конверт.

Варя не тронула фотографию. Смотрела на неё поверх чашки.

— Кто снял? — спросила я.

— Мой фотоаппарат стоял на широкой стойке веранды. Я включила таймер.

— Значит, файл был у тебя.

— Был.

— А теперь?

— Не знаю. Тогда мы договорились всё удалить. Я удалила. Карточку потом отдала Кириллу, потому что она была его.

— Кириллу?

— Он покупал её перед поездкой. Моя перестала работать, помнишь?

Я попыталась вспомнить, кто тогда покупал карту. В голове вертелся только жаркий вечер, арбуз и то, как Кирилл спорил с Варей из-за слабого аккумулятора.

— Кто эта женщина? — спросила я, хотя ответ у меня был.

— Я думала, знаешь.

— Я знаю Нику.

Варя наконец взяла снимок. Провела пальцем по левому краю.

— А мне она представилась Лерой.

Я ждала, что подруга улыбнётся и скажет, что перепутала. Варя не улыбнулась.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Мне ты сказала, что это Ника. Когда она вошла, ты сказала: «Лада, познакомься, это Ника, она ненадолго».

— Значит, так и сказала.

— Варя.

— Не повышай голос.

— Я ещё не начала.

За соседним столом мальчик упёрся и не хотел надевать шапку. Мать не спорила — держала её наготове. Варя тем временем скомкала салфетку так, что та стала похожа на бумажный шарик.

— Почему ты назвала мне одно имя, а себе оставила другое?

Варя смяла бумажную салфетку.

— Потому что она попросила.

— Зачем?

— Не у меня спрашивай.

— Хорошо. Дай номер.

— У меня нет.

— Адрес?

— Лада, хватит.

Я забрала снимок и поднялась. Варя отодвинула чашку, чтобы та не упала.

— Сядь, пожалуйста.

— У тебя был её адрес?

— Был номер. Она его сменила.

— Когда ты звонила?

— В сентябре того года. Мне ответили, что абонент недоступен.

Я снова села. Сперва пододвинула сумку к себе: пусть не воображает, что я собралась здесь жить.

— Значит, ты искала её. И мне не сказала.

— Позвонила один раз.

— Не цепляйся к словам.

За соседним столом мальчик наконец надел шапку. Мать победила, он ненавидел её минуты две, не больше. Я проводила их взглядом до двери.

— Помнишь, как мы уезжали с дачи? — спросила Варя.

— Ты всю дорогу говорила, что мне надо выспаться.

— Ты сказала, что Денис тебе противен.

— Он исчез ночью, а потом не смог объяснить куда.

— Ты не видела, как он уезжал.

Я открыла рот и остановилась. Шесть лет я рассказывала эту историю почти одинаково: Денис вышел с женщиной в жёлтом дождевике, они сели в машину, исчезли. А самого отъезда я не видела.

— Слышала двигатель, — сказала я. — Видела фары из окна.

— А её рядом с ним?

— Нет.

Я не выносила её облегчённого вздоха. От того, что я ошиблась в одном, шесть лет моей жизни не становились чьей-то шуткой.

— Утром её не было. И Дениса не было, — сказала я. — Он отказался отвечать. Это я не придумала.

— Не придумала.

— А ты молчала.

— Да.

Варя посмотрела на салфетку. Пальцы у неё дрожали — едва заметно, но мне хватило.

— Если она попросила назваться Никой, почему тебе представилась Лерой?

— Сначала она так и сказала: «Лера». Потом, перед тем как ты вышла на веранду, отвела меня в сторону и попросила назвать другое имя.

— И ты согласилась?

— Да. Я подумала, ей не хочется встречать незнакомых людей под настоящим именем. Не знаю, почему мне это показалось нормальным.

— А когда всё случилось?

— Тогда надо было тебе сказать. Я знаю.

— Не говори так, будто от этого становится лучше.

Она порвала салфетку пополам. Потом ещё пополам.

— Я думала, Денис сам объяснит. А утром ты сказала, что не хочешь слышать о нём. Потом это стало ужасно трудно начать.

— Ты могла написать.

— Могла.

Я встала так резко, что ножка стула царапнула пол. Варя дёрнулась. Я даже не извинилась.

— Кирилл знает про карту памяти, — сказала Варя. — С него начни.

— У него старый номер?

— Кажется, да.

— Кажется. Замечательно.

У выхода она окликнула меня:

— Я не присылала снимок. И не печатала его.

— Верю, — сказала я, хотя это было неправдой.

На улице пахло мокрыми листьями. Я прошла мимо автобуса, который подъехал прямо к остановке. Хотелось идти. Пока ноги двигались, я могла не решать, кто из нас врёт.

У светофора Варя написала: «Прости за то, что промолчала». Я набрала ответ, стёрла и убрала телефон в карман. Экран ещё долго светился сквозь тонкую ткань.

Мужчина в пуховике нёс торт в прозрачной коробке. Девушка под зонтом ругалась из-за потерянных ключей. Я даже позавидовала: из-за потерянных ключей можно было ругаться в полный голос.

Я нашла номер Дениса, посмотрела на зелёную трубку и нажала блокировку.

Глава 3. То, что осталось у меня

Денис позвонил в девять сорок семь.

Я узнала его голос раньше, чем поняла, что ответила. На плите остывала гречка, сваренная сразу на три дня. На второй день она уже не радовала.

Первый звонок я пропустила. На втором ответила.

— Лада. Ты можешь говорить?

— Если быстро.

— Тебе принесли конверт?

Ложка стукнула о тарелку.

— Откуда знаешь?

— Мне тоже. Сегодня днём.

— Что было внутри?

— Снимок с веранды.

Я посмотрела на закрытую балконную дверь. В стекле отражалась кухня: белая плитка, кастрюля, моё лицо.

— На обороте что написано? — спросил он.

— А у тебя?

— «Ты помнишь, зачем открыл ей дверь».

— Ты был один, когда нашёл конверт?

— Да. Потом показал Кириллу.

— Как вовремя вы все снова начали встречаться.

— Я и раньше с ним виделся, Лад.

За его спиной кто-то кашлянул. Денис сказал: «Минуту», прикрыв трубку ладонью. Я услышала мужской голос, но слов не разобрала.

— Кирилл у тебя?

— Да. Хочешь с ним поговорить?

— Пока с тобой.

На другом конце стало тихо. Раньше в это молчание легко помещались наши обычные ссоры: грязная чашка, забытый хлеб, пустяки. Теперь я боялась сказать даже «ну».

— Почему ты звонишь? — спросила я.

— На фотографии видно синие детские сапоги. Заметила?

Я перестала водить ложкой по тарелке.

— Да.

— У тебя осталась моя синяя коробка? Из-под шурупов, с белой защёлкой.

Я повернулась к шкафу в прихожей. Коробка лежала наверху среди сломанных ручек и лишних ключей. Каждый раз во время уборки я собиралась её выбросить.

— Зачем она тебе?

— Там может быть ключ. Маленький, с синей биркой.

— От чего?

— От боковой калитки у дачи. Кирилл говорил, что её заперли снаружи. Если ключ у тебя, мы тогда ошиблись.

— Кто «мы»?

Он помолчал.

— Я и Кирилл. Тогда, не сегодня.

Я придвинула табурет к шкафу.

— Лад, я могу приехать. Мы вместе посмотрим.

— Не надо. Завтра в десять. В мастерскую. Принеси свой конверт.

— Хорошо.

— И не говори, что хотел меня защитить.

Он не ответил. Я отключилась первой.

Коробка оказалась пыльной. Внутри что-то перекатилось, когда я поставила её на стол. Белая защёлка поддалась сразу. Я не собиралась ждать разрешения Дениса.

Там лежали короткие саморезы, старые биты, резинка для волос и ключ. На синей бирке белой краской стояла буква «Б». Я положила ключ на стол и сфотографировала его.

Под инструментами нашёлся сложенный листок. На одной стороне был список покупок моим почерком: хлеб, уголь, арбуз, лимон. На другой — всего два слова, написанные не мной: «Не через ворота».

Я развернула листок до конца. Больше ничего.

Арбуз, уголь, хлеб. Я писала этот список, пока Денис искал в машине нож. Кто-то перевернул бумажку и добавил два слова. Я не знала ни когда, ни зачем.

Я положила бумагу обратно. До завтрашней встречи оставалось слишком много времени.

На телефоне всё ещё хранилась переписка с мамой. Мама умерла два года назад, но я так и не удалила её номер из избранных. Иногда палец сам тянулся нажать на имя, чтобы снова услышать: «Я же просила не звонить, когда смотрю новости».

Я дошла до переписки с мамой за август две тысячи двадцатого. «С кем отдыхали?» — спрашивала она утром после дачи. «Вчетвером», — ответила я. Следом: «Не спрашивай. Варя привезла меня, машина Дениса осталась там». В старом чате с Варей сохранилась ещё одна строка, отдельно от всей переписки: «Не делай глупостей». Что она имела в виду, я не помнила. Остальные сообщения после ссоры удалила сама.

Я положила телефон на стол, рядом с ключом.

Столько лет я представляла, как он увозит женщину в своём автомобиле. А наутро его машина стояла у дачи. Этого было недостаточно, чтобы узнать, с кем он уехал. Но хватало, чтобы завтра спросить иначе.

За стеной соседка поставила чайник. Он свистел минуту, потом ещё одну. Я так и не легла, пока она его не выключила.

Глава 4. Утро, в которое он пришёл

Денис появился в мастерской без пяти десять. Я ещё не успела включить вытяжку, а Костя уже надел наушники и стоял у верстака, приставив к уху карандаш, которым собирался отметить место для нового шканта.

Я увидела Дениса через стеклянную дверь. Он постоял на пороге, посмотрел на вывеску, словно сомневался, что попал по адресу. Шесть лет назад он приезжал сюда за мной после работы. Тогда дверь красили в синий. Сейчас она была графитовой, и мне почему-то стало неловко за эту перемену.

— Входи, — сказала я раньше, чем он постучал.

На Денисе была мокрая куртка, под мышкой — бумажная папка. Он остриг волосы коротко. У виска появилась седая прядь, которую я не знала. Остальное оказалось неприятно знакомым: манера придерживать дверь ногой, чтобы не хлопнула, осторожность, с которой он оглядывал комнату, прежде чем положить что-нибудь на стол.

— Привет.

— Конверт принёс?

— Принёс.

Денис вынул фотографию из папки. Держал за угол, а я смотрела на его пальцы и почему-то думала, что у него обветрились руки.

— Кость, мы в малой комнате, — крикнула я.

Костя снял один наушник, взглянул на Дениса и кивнул. У него всегда получалось не делать из чужой неловкости событие.

В маленькой комнате стояли два стула, чайник и шкафчик с образцами дерева. На одном из стульев лежал недокрашенный фасад. Я отставила его к стене и села. Денис остался стоять.

— На обороте покажи.

Он перевернул снимок. «Ты помнишь, зачем открыл ей дверь» — те же ровные буквы, только темнее, чем на моём конверте. Я положила рядом свой отпечаток. Бумага была одинаковая. Правый верхний угол у Дениса слегка загнулся.

— Где взял?

— Под дверью моей студии. Вчера после обеда. Секретарь заметила, когда возвращалась с обеда.

— Ты работаешь в студии?

— Вывески, оформление витрин. Там два человека кроме меня.

Я помнила его прежнее место, гараж на окраине, маленькие заказы, которые он иногда брал на выходные. Получалось, жизнь у него тоже продолжалась, пока я старательно представляла её остановившейся.

— Кирилл видел снимок?

— Видел. Сказал, что не отправлял.

— Ты поверил?

— Не знаю.

Я хотела услышать уверенное «конечно». Его «не знаю» раздражало куда сильнее.

Я вынула ключ, положила перед ним. Денис не притронулся. Увидел белую букву «Б» на синей бирке и опустил голову.

— Тот самый?

— Похож. У тебя есть другой?

— Нет.

— Почему ты вспомнил о нём сейчас?

— Кирилл вчера сказал, что боковая калитка в ту ночь была заперта. Снаружи. Я помню, как держал этот ключ. И помню, что калитка открылась. Если он прав, я придумал половину ночи. Если прав я — он тогда солгал.

— Ты почему не спросил раньше?

— Спрашивал. Не вчера. Дважды после дачи. Оба раза он повторил одно и то же.

Я повертела ключ на столе. От слов «много раз» меня передёрнуло. Значит, они обсуждали ту ночь без меня. Могли спорить и обсуждать подробности, о которых я не знала.

— Припоминаю, — сказала я. — Ты любил решать за двоих.

Он посмотрел в сторону чайника.

— Да. Так было.

Шесть лет — и всё, что он мог предложить, это короткое «да». Я отодвинула ключ от себя.

— Скажи, сколько человек ночевало в доме.

— Не знаю, как ты считаешь.

— Взрослых, Денис.

— Пятеро.

— А не взрослых?

Он не ответил. У двери зашуршали подошвы: Костя прошёл по коридору к складу, не задерживаясь. Мы оба дождались, пока звук удалится.

— Синие сапоги, — сказала я. — Чьи?

— Я не могу назвать человека, пока не поговорю с ним.

— Опять?

— Можешь ненавидеть меня сколько влезет. Но про девочку я не стану говорить без её матери. Давай хотя бы проверим калитку.

— Чудесно. Ты даже шесть лет спустя придумал, как отложить ответ.

Он сел на край стула, не сняв куртки.

— Лада. Я не уходил от тебя с той женщиной. Не так, как ты думаешь.

— Ты уходил с ней?

— Я помогал ей уехать.

— То есть да.

— Да.

Чайник щёлкнул. Мне захотелось подойти и выключить его, только бы не смотреть на Дениса.

— Зачем ты не вернулся до утра?

— Не мог бросить её по дороге.

— А меня мог.

Он отвёл глаза. Я смотрела на его руки: теперь на указательном пальце было старое, бледное пятно от ожога. Я уставилась на пятно так долго, что он спрятал руку под стол.

— Что произошло с ней после? — спросила я.

— Она оказалась там, где могла остаться в безопасности.

— Ты это сам проверил?

— Да.

— Имя назови.

Он прижал ладонью крышку папки.

— Я обещал ей.

— А мне ты что обещал? Говорить хоть слово, когда исчезаешь?

Денис медленно выдохнул.

— Обещал. А потом прочитал твои сообщения и испугался ответить.

Я встала, открыла дверь.

— В полдень едем к Кириллу. Сначала я поговорю с ним. Ты молчишь, пока я не спрошу.

— Хорошо.

— И ключ останется у меня.

— Конечно.

Когда он ушёл ждать в машине, Костя появился из-за полки с жестянкой шурупов.

— Если нужен выходной, бери.

— Он мне и так последние шесть лет был нужен.

Костя поставил жестянку на пол и подвинул ко мне булочку. Я отломила кусок, и он, довольный, сообщил, что теперь можно ехать ругаться дальше.

Глава 5. Дом за голыми деревьями

До дачи ехали чуть больше часа. За городом начались мокрые поля, одинаковые серые остановки и редкие магазины с вывесками, которые ветер обтрепал ещё до зимы. Денис включил печку. Я попросила убавить, потому что меня укачивало от тёплого воздуха.

— Ты по-прежнему не любишь, когда пахнет освежителем? — спросил он и тут же выключил его.

— Не переношу этот запах, как и раньше. Можешь открыть окно?

— Понял.

Денис вёл осторожно. У него на панели лежал чек из аптеки и сломанная ручка. Я зачем-то пыталась по этим двум вещам догадаться, кто его ждёт дома.

Кирилл встретил нас у металлического забора. Он поправился, отпустил бороду, а приветствие произнёс слишком громко.

— Сто лет не виделись. Лад, привет.

— Привет. Ты сюда зачем приехал?

— Это пока моя дача. Я всё ещё иногда сюда приезжаю.

Денис вышел из машины.

— Мы хотели посмотреть калитку.

— Смотри. Она там же, где была.

Кирилл отвёл нас вдоль забора. Между двумя яблонями тропинка спускалась к узкой боковой двери из металла. Новая цепь висела поверх старого замка. У кромки заржавевшей петли была свежая краска.

— Старый замок сохранился? — спросила я.

— Где-то в сарае.

— Найди.

Он поднял брови.

— Зачем?

— Потому что сейчас я не знаю, кому здесь верить.

Он хотел улыбнуться, не получилось. Пошёл в сарай, оставив нас у забора.

Когда Кирилл ушёл в сарай, Денис прислонился к яблоне. Я вспомнила рынок: он нёс обе сумки, даже маленькую с одним пучком укропа. Я называла его носильщиком. Он смеялся и просил чаевые.

— Ты уверен, что вышел здесь?

— Уверен. Было темно, я вёл человека за руку, чтобы он не поскользнулся.

— Её?

Денис посмотрел на землю.

— Была не одна, — ответил он. — И больше я пока не скажу.

В сарае гремело железо. Я подумала о сапогах у крыльца и снова представила их слишком маленькими для женщины, которая стояла на снимке. Денис заметил, куда направлен мой взгляд, но промолчал.

Кирилл вернулся с коробкой старых замков. Долго выбирал один, потом подал мне круглый латунный корпус с номером, почти стёртым от времени. Ключ с буквой «Б» вошёл легко. Я повернула ключ. Язычок щёлкнул.

— Ну, открывается, — сказал Кирилл. — И что?

— Ты говорил, что калитку заперли снаружи, — ответила я. — Если у Дениса был ключ, почему он не мог её открыть?

— Потому что там ещё цепь была.

— Эта цепь новая, — заметил Денис.

— Другая была. Я не помню уже каждую железку, честное слово.

Я провела пальцем по пустой дырке от старого крюка на столбе.

— А кто вешал другую цепь?

Кирилл посмотрел на неё так, будто заметил впервые.

— Не помню.

Кирилл не отрывал глаз от крюка. Когда я подняла голову, у него было лицо человека, который просчитал слишком много неприятных вариантов.

— Ты боишься назвать человека или себя? — спросила я.

Он резко повернулся:

— Ты понятия не имеешь, какая тогда была ситуация.

— Вот поэтому я и приехала.

Кирилл поставил коробку на землю. Ключ остался у меня в пальцах.

— Лад, поговорим в доме. Здесь холодно.

— Не надо. Скажи, была цепь или нет.

Он опустил глаза.

— Не было.

Денис сжал пальцы вокруг ключа, но ничего не сказал. Кирилл застёгивал куртку, промахиваясь мимо кнопок.

— Тогда зачем ты соврал?

— Потому что думал: если скажу, что калитка открывалась, придётся объяснить, кто пришёл к главным воротам.

Я держала ключ так крепко, что края бирки вдавились в ладонь.

— Кто пришёл?

Кирилл посмотрел на Дениса, словно надеялся, что тот снова возьмёт разговор на себя.

На этот раз Денис не помог.

— Мужчина, — произнёс Кирилл. — Приехал на старой серой машине. Спросил, здесь ли женщина, которую он ищет. Я сказал, что не знаю.

— Почему он решил искать именно у тебя?

— Потому что люди ездят к людям. Лада, я даже фамилию его сейчас не назову.

Он говорил быстро. Я знала эту его привычку ещё по институтским временам: когда у Кирилла заканчивались доводы, он начинал смеяться и говорить громче. Теперь смех не получался.

— А ты спроси Дениса, — добавил он. — Он видел этого человека.

— Я спрашиваю тебя.

Кирилл снял перчатку, снова надел, словно готовился к работе и никак не мог начать.

— Он стоял у ворот. Ругался. Я вышел, сказал, чтобы убирался. Потом Денис прибежал со стороны сада. Всё.

— А боковая дверь?

— Она была открыта. Я сказал неправду. Надеюсь, это теперь можно оставить?

— Нет, — сказала я. — Нельзя оставить, пока не узнаю, что ещё ты придумал.

Мы вошли в дом. В прихожей пахло холодной древесиной и старым мылом. С тех пор у Кирилла почти ничего не поменялось: те же клетчатые занавески, облезлая подставка для зонтов, зеркало в деревянной раме. Только в угол поставили новые резиновые сапоги, большие, чёрные. Моих воспоминаний они не касались.

На полу виднелась царапина полумесяцем. Кирилл говорил, что от велосипеда. Я проверила её ногтем — старая, край давно потемнел. Из этого уже нельзя было сделать расследование.

— Лада, — тихо сказал Денис, — не надо искать следы там, где могло уже всё измениться.

— Я и не ищу. Я смотрю.

На стене возле лестницы висел детский рисунок: толстое синее море, лодка без мачты, солнце в правом верхнем углу. Бумага пожелтела по краям, но цветные карандаши оставались яркими.

— Откуда это? — спросила я.

Кирилл сначала посмотрел на рисунок, потом на нас.

— Дети сестры рисовали.

— Когда?

— В разные годы.

Под нижним уголком листа виднелась надпись карандашом: «НА МОРЕ НЕЛЬЗЯ БЕЗ МАМЫ». Буква «З» была развёрнута в другую сторону. Я достала телефон и сфотографировала рисунок. Кирилл не возражал, но отвернулся.

— У тебя есть ещё фотографии с той ночи? — спросила я.

— Нет.

— Карта памяти?

— Может, лежит где-то в старых вещах.

— Варя сказала, что вернула тебе её сразу после дачи.

— Ну и что? Было шесть лет назад.

Из кухни донёсся стук: Денис поставил чайник на плиту. Я пошла за звуком и застала его перед открытым шкафчиком. Он, как прежде, знал, где Кирилл хранит чашки, но сейчас никак не мог выбрать подходящую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.